



на сцене камеры и стулья, справедливо решив: если разговаривать не со стоящим, а с сидящим Владимиром Спиваковым, есть возможность продлить время общения. Первый вопрос – о насыщенном графике.

– Он насыщен практически на два года вперёд, – улыбается Владимир Теодорович. – Разные оркестры, разные программы, разные цели и задачи концертов.

– **«Магнитогорский металл» («ММ»): Валерий Гергиев даже себе не может ответить на вопрос, какую программу будет исполнять на следующем концерте – он решает это по пути на гастроли. У вас такой же подход к логистике выступлений?**

– (Улыбается). Нет, мне было бы тяжело жить в таком режиме. А Валерий Абисалович помоложе меня будет, потому у него, наверное, так получается (все смеются).

– **«ММ»: Почему вы не пустили нас на репетицию?**

– Потому что мы репетировали совершенно другие сочинения – те, которые исполним на концерте 24 декабря.

– **«ММ»: То есть для вас репетиция – это не подготовка к нынешнему концерту, а время для выучки нового репертуара?**

– Конечно, эта программа уже готова – зачем её репетировать. То есть готова большая часть концерта, а остальное рождается непосредственно в зале и зависит от публики: от тишины в зале, акустики, настроения – создаётся атмосфера, которая предполагает начало творения, сотворения музыки вместе с публикой.

– **«ММ»: За вашим оркестром на сцене сидели одарённые дети города, в связи с чем вспомнила историю вашего концерта перед японскими детьми, коих в зале было чуть ли не три тысячи человек. После концерта, на котором многие дети буквально спали, вы спросили профессора токийской консерватории, организовавшего концерт: «Зачем всё это?»**

– Да, на что он ответил: «Если хотя бы двух-трёх из них пронзит эмоция, наша нация станет богаче». Очень правильный подход к воспитанию.

– **«ММ»: Наших деток эмоция пронзила?**

– Да, они чудно сидели и слушали, мне показалось, очень внимательно.

– **«ММ»: По-вашему, факторами успеха являются талант, пример для подражания и большое препятствие – процитирую вас: «Если жизнь складывается гладко, она просто не состоится».**

– Да, жизнь состоит не только из радостных моментов, но и слёз, их бывает до обидного много, но как раз они и формируют личность, заставляют человека не останавливаться в развитии, укрепляют его веру. Мне кажется, без страданий нельзя полностью оценить радость. Меня тоже формировали страдания – одни потери наших близких чего стоят. Это страдания, которые не оставляют уже никогда.

– **Элла Гогелиани (ЭГ): На днях вы были в самом чреве Европы. Она всё так же напряжённо относится к нам?**

– Музыка близка и понятна всем. В зале напряжённости не было, напротив, полный восторг. Германия в этом плане страна показательная – там до сих пор на концерт приходят с партитурами, следят, где и как сыграли, потом подходят поспорить: «Вот вы здесь дирижуете на четыре, а может, попробовать вот так?» (Улыбается). Тем не менее, вставали, как дети, практически после каждого произведения. И демонстраций в этот раз не было. Раньше бывали печальные примеры, когда нам присылали букеты с траурными лентами и оборванными бутончиками... Это в связи с Крымом.

– **«ММ»: Хотя, казалось бы, именно от вас никогда не было политических высказываний.**

– Потому что я не политик, а музыкант. Но это моя страна, я за неё горю и хочу, чтобы здесь было всё хорошо. И конечно, я против санкций. Мы создаём такую атмосферу своими концертами, что ругаются барьеры, в связи с чем политики себя неудобно чувствуют. Помню, в самом начале санкций дети Международного благотворительного фонда Владимира Спивакова играли в Бундестаге в Берлине. И политики стоя приветствовали их и ничего поделать не могли. Потому что против таланта детей, против их чистоты и искренности оружия-то нет.

– **ЭГ: «Виртуозам Москвы» 37 лет, за годы состав полностью поменялся. По какому принципу вы их отбираете?**

– Ротации у нас практически нет. С первым коллективом долгое время работали в Испании, некоторые захотели там остаться, и я этому не мешал, считая, что у каждого должен быть собственный выбор. Как сказал Паскаль: жизнь – это воспоминание об одном мимолётном дне, проведённом в гостях. Красиво и правдиво: все мы – странники на микроскопическом отрезке вечности. С теми, кто вернулся со мной в Россию, создали «второй опус» «Вир-

туозов», которые и выступали перед вами. Слава богу, сохранились ещё выдающиеся педагоги в Московской консерватории, которые производят лучший в мире продукт исполнительского искусства. «Виртуозы Москвы» играют, как ни один камерный оркестр мира, честно говоря. А я много езжу по миру и много слышу.

– **Татьяна Артёменко, «ТВ-ИН»: Возможны ли столь же близкие профессиональные отношения с другими оркестрами?**

– Конечно, с этими людьми мы одной крови. На концерте в Туле сказал: «Видите, какая замечательная у нас семья?» Из публики мгновенно откликнулись: «Какой отец – такие и дети!» Конечно, со своими проще, они понимают меня по взгляду. Конечно, я учился дирижированию, но есть ещё и умение оттуда (возводит взгляд вверх). Анатолий Собчак, став мэром тогда ещё Ленинграда, на концерте вышел на сцену, поднёс подарок и сел в оркестр – я его посадил. Я сказал залу: «Мне бы хотелось, чтобы Петербург при этом человеке стал таким же великолепным европейским городом, как, к примеру, Вена», – и заиграл «Венский вальс». Потом, находясь уже в ссылке в Париже, Анатолий Александрович приходил в гости – а мы тогда жили в Париже. Рассказывал: «Когда сел в оркестр, вы дирижировали так, что я был уверен, что и сам смогу сыграть». Работать с «чужими» люблю меньше, да и времени нет. Но в Китае – а это совсем другая культура, цивилизация – был случай: меня попросили дирижировать большим китайским оркестром, и через пять минут они играли русскую музыку, как русские.

– **«ТВ-ИН»: Какой показалась вам магнитогорская публика?**

– Очень хорошей. Вообще, самая большая награда, которая есть в моей жизни, – это любовь и доверие российского народа, честно вам говорю. Я такие письма порой получаю: приезжайте к нам – и уложим, и накормим (все смеются).

– **ЭГ: Как восстанавливаетесь в столь напряжённом графике?**

– Всегда лучше чувствуешь себя после концерта, чем до – энергия, эмоции, любовь, улыбки возрождают, безусловно. Выходной, когда куда не надо, – это для меня катастрофа. Хотя, обожаю побыть с семьёй и детьми.

– **Должна ли классическая музыка оставаться элитарной? Принадлежит ли искусство народу?**

– Должно принадлежать. Но у нас всё делают для того, чтобы продвигать иные вещи, за которыми стоят деньги. За всем стоят деньги. За нами деньги не стоят.

– **«ММ»: Это правда: коллега похвалилась, что была на вашем концерте в Москве за 400 рублей в партере. Не успела спросить: это был стадион, раз так дёшево?**

– (Улыбается). В Доме музыки стараюсь делать всё, чтобы люди могли себе позволить прийти ко мне. Помимо низких цен, там есть ещё квоты для неимущих, студентов и пенсионеров. Социальная защита должна быть везде, я за это всю жизнь борюсь. Моя бы воля – вообще делал бы всё бесплатно.

– **«ММ»: Можно совет подрастающим музыкантам? Одни говорят, заниматься музыкой нужно буквально сутками. Другие – что достаточно двадцати минут в день, и вы, кажется, тоже занимаетесь столько.**

– (Смеётся). Конечно, после того как полжизни проведено за инструментом, для сохранения близости с ним достаточно двадцати минут в день. До этого заниматься придётся много. Могу сказать одно: музыкой должны заниматься все дети, даже если они не станут гениальными музыкантами. В ней нет агрессии, она вызывает совсем к другим чувствам. Музыка – как религия, понимаете? Она очищает душу. Детям открывается другой мир, они чувствуют начинают по-новому.

– **«ММ»: А что делать родителям, если у детей есть талант, но нет желания заниматься музыкой? Заставлять или смириться – насильно мил не будешь?**

– Заинтересовать. От родителей много что зависит, если в семье есть колоссальное доверие к ребёнку. Если ребёнок чувствует безусловное доверие, то он становится лучше. Он понимает, что может всё рассказать, перестанет таиться от вас, бояться, понимаете? Заинтересовать, указать, показать собственным примером. Я, в общем-то, плохой родитель, как вы можете понимать. Но у меня выросли очень хорошие дети. Оказалось, произошло это из-за двух вещей. Первое – они видели, что я всю жизнь работаю. Второе – помогаю очень многим детям и лично, и через свой фонд. Для них это оказалось главным в их формировании.